АЛЕКСАНДР

КОЛОМИЙЦЕВ

12+

НАЧАЛО

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Александр Коломийцев

Начало

«Издательство «Союз писателей»

2018

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)

Коломийцев А. П.

Начало / А. П. Коломийцев — «Издательство «Союз писателей», 2018

ISBN 978-5-00073-886-3

Суровая реальность, суровый край и суровое время отразил на страницах книги «Начало» современный писатель Александр Коломийцев. Автор, убеждённый, что каждый человек должен знать историю своей страны, особенности родного менталитета и пути, которыми идёт его Родина, а вместе с ней и все люди, перенёс читателя в прошлое. Действие повести развивается во времена царской России. В деталях показан людской быт, взаимоотношения, мечты, стремления и даже говор, присущий той эпохе. Повествование перемежается описаниями волшебной алтайской природы. Но во главе угла стоит жизнь рудника: тяжёлая работа, старые технологии и нововведения, сложности, с которыми приходится бороться каждый день, и трагедии, которые иногда случаются. О сильных духом русских людях, способных выжить в самых тяжёлых условиях, не боящихся ни шахт, ни гор, ни тайги, рассказывает автор, словно открывает портал в иное измерение, где читатель ещё никогда не бывал.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-886-3

© Коломийцев А. П., 2018
© «Издательство «Союз писателей», 2018

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 19
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Александр Коломийцев
Начало

© Коломийцев А. П., текст, 2018
© Издательство «Союз писателей», оформление, 2018

* * *

Русским людям, особенно юношам, следует знать историю Отечества. Только ведая об истоках, можно постигнуть смысл дел настоящих и устремлять ясный взгляд в будущее. … Я не против немцев баталии веду, а против тех, кому судьба России безразлична! Среди них русских-то довольно будет, им бы только казённые оклады получать, а где – едино. У них у каждого петелька-то напереди, а крючочек позади, вот они и цепляются друг за друга, не любя и не понимая ни России, ни пути её.
М. В. Ломоносов

Глава 1

Гора скрывала много тайн. Со времён «чуди незнаемой» люди пытались познать их. В недрах её текли реки расплавленного золота и серебра, в пещерах лежали груды слитков драгоценного жёлтого металла. Все эти богатства стерёг со своими свирепыми помощниками обитавший в тёмных запутанных переходах кровожадный Змей полоз о семи головах. Неохватное тулово его тянулось на десятки саженей. Так гласили стародавние предания. Обходили стороной Змеёвую гору люди робкие, несмелые. Рисковые же, алкавшие несметных богатств и сокровищ, проникали в ходы, прорытые «чудью незнаемой», из них в змеиные лазы и исчезали бесследно, ибо лишались живота своего от одного лишь змеиного свиста. Пробирались рисковые люди в недра Горы, уходили и не возвращались. Богатство прельщало, подобно колодцу, пригрезившемуся умирающему путнику в безводной пустыне. На смену сгинувшим искателям счастья являлись новые. Их истлевшие костяки находили горные служители в старых выработках. Имелись и иные тайны. Из Змеиной горы вёл подземный переход в соседнюю, пустую внутри. Там по зеркальной глади неохватного взором озера, застывшего в жутком безмолвии, скользил струг, до краёв наполненный червонным золотом. Искали рисковые люди то озеро, даже находили и струг видели, а взять ничего не могли. Ужас великий охватывал их, не помнили, как наружу выбрались, и путь к озеру забывали. Но то всё не главные тайны. Главная же в том – в недрах горы Змеиной скрывался вход в Беловодье. Беловодье! Блаженная мечта униженных и оскорблённых. Не было в Беловодье жестоких и алчных бояр и дворян, свирепых царей и гонителей веры, жестокосердных и беспощадных горных командиров и их прислужников. Не было в Беловодье ни злата, ни серебра, ни драгоценных каменьев, не знали в Беловодье про воровство, пьянство и блуд, всякие немочи. Но были в Беловодье вечная красота и истина. Жители сего благословенного края были светлы и чисты и ликом, и душой; все мужеского пола крепкого сложения, а женского – статны и миловидны. Все они были добры и справедливы, равны меж собой, никто не унижал и притеснял другого. Мужчины и женщины жили в любви и честном супружестве, и дети на радость родителям рождались здоровенькими. Пашня была плодородна – злаки, всякий овощ, вертограды давали обильные урожаи, а скот плодился и тучнел на вечнозелёных пастбищах. Люди, населявшие Беловодье, жили в достатке и благоденствии, без всякой зависти друг к другу. Не в стылой пустыне у Ледского моря, не в горных дебрях, не в долине Бухтармы, не за горами Богогорши, не в Китайском государстве у неведомого озера Лобнор находилось Беловодье, здесь, в запутанных, сочащихся водой, осыпающихся проходах Змеиной горы прятался вход в землю обетованную. Так рассказывали бывалые люди. Уходили в мрачные подземелья люди, искавшие справедливости в этой жизни, а не в загробной, уходили и не возвращались. Не всякий тот вход находил, и не всякому вход открывался. А и о тех, кто проникал в Беловодье, ничего не слыхали. Кто ж по своей охоте покинет земной Ирий?

Солнце добралось до темянника и вовсю припекало. Над водой резвились стрекозы, садились на поплавок, раскачивая его из стороны в сторону, у берега в небольших заводях скользили плавунцы. Ветерок шевелил вершины сосен, и те издавали глухой гул, порой ветерок льнул к земле, колыхал лозняк, рябил воду. Михайло вытащил и смотал удочку, забрал улов и, обогнув заросли лозняка, вышел на широкую песчаную косу. Опустив в воду кукан с окунями, разделся, забрёл на мелководье, долго плескался, простирал рубаху, порты. Выйдя на берег, улёгся на горячий песок, подставив жарким лучам тело с выпирающими рёбрами, худющими ногами. Благодать! Так бы и лежал и день, и два, и три, отогреваясь после мрачного душного подземелья. И дышал, дышал полной грудью чистым воздухом, пахнущим нагретыми соснами, речкой, травами.

Сегодня воскресенье, прошлую неделю отработали дневную, завтра идти в ночь. Отпросившись у десятника, три друга ушли на Корбалиху порыбалить, погреться на солнышке.

Подошёл Овдоким с куканом и удочкой. Сел рядом, спросил негромко:

– Греешься?

– Греюсь. Так ноги крутило, мочи не было терпеть.

– А ты их в песочек, в песочек зарой. Песок-от горячий, все кости прогреет, полегчает.

Овдоким посидел немного, ероша бороду и морща лоб. Какая-то беспокойная тревожная дума не давала покоя горному служителю. Резко поднявшись, Овдоким наломал сушняка, развёл костёр, устроил очаг, подвесил на перекладине котелок с водой, бросил в него пару горстей пшена. Подобрав плоский голыш, принялся чистить на нём рыбу. Послышался шум шагов по траве, и на косу вышел третий удильщик, парень лет восемнадцати. Третий рыбак был самый добычливый: на кукане среди окуней серебрились три сорожки.

– Ну, ты, Митяй, как лось, ломишься, – проворчал Овдоким.

– Видал?! – радостно воскликнул парень, снимая с кукана рыбу и показывая крупную сорожку. – Фунт потянет! Я уж забоялся, лесу б не оборвала. Я тамочки, – захлёбываясь от удачи, продолжал он, – на заутине место надыбал.

Овдоким взял рыбину, взвесил на ладони.

– Не, не будет фунта, на полфунта с лишком, пожалуй, потянет.

Митяй шмыгнул носом, возразил обидчиво:

– Ну да, не потянет! Никак не меньше фунта.

Парень ещё переживал восторг удачи, голубые глаза его опушённые длинными ресницами, радостно блестели. Михайле, казалось, дела нет до рыбы. Лежал молча, не вступая в спор товарищей своих, глядел в голубую вышину. На большеносом широкоскулом лице его читалась безмерная усталость и отрешённость.

– На ножик, дочисть рыбу.

Овдоким отдал молодому товарищу нож, сел на песок, глядя на играющую солнечными бликами речку.

Это были холостые рабочие с рудника, зрелые мужики лет за тридцать. Долбили шпуры, дружбу водили давно.

Весной к ним приткнулся молодой откатчик Митяй.

Уха закипела, забурлила. Овдоким сдобрил варево солью, бросил в него две луковицы. Хлебали молча, дуя в деревянные обкусанные ложки.

– Эх, лепота-то какая! Как в Беловодье! – воскликнул Овдоким, выплёвывая кости и блаженно растягиваясь на песке. – Солнышко греет, брюхо сыто, ни тебе мастеров, ни шихтмейстеров.

– И батоги не свищут, – ехидно поддакнул Михайло.

– Да, вот найти бы Беловодье… – мечтательно произнёс Митяй.

– Иде ты его найдёшь? – отозвался Михайло. – Сказки то всё.

– В прошлом годе мужик один ушёл искать по штольням из Екатеринки и не вернулся. Видать, нашёл, – возразил Митяй.

Михайло проворчал:

– Хто его знат, кого нашёл, Беловодье или смерть свою.

Овдоким со злым надрывом в голосе поддержал молодого товарища:

– А чо, поискать, дак и нашли бы. Мочи моей уж нет терпеть эдакое мучительство.

– Да кто ж нас пустит в Беловодье? – хохотнул Михайло. – Беловодье людям безгрешным, незлобливым открывается. А ты на прошлой неделе, как батогов всыпали, чегось обещался, запамятовал? Мастера грозился придушить, а уж злобен-то был, а уж злобен. Не, не хочу я в подземелье помирать, лучше здеся, на воле, – Михайло помолчал, добавил: – На воле, в горах надо Беловодье искать.

– А чо! Я б пошёл! – встрепенулся Овдоким. – Куда итить токмо?

– Стражники пымают, запорют батогами, – поёжился Митяй.

– А пускай, пускай словят! Да хоть б годок, месячишко-то волюшки хлебнуть, – воскликнул Овдоким и, задумавшись, повесил голову.

Одна мысль вскружила головы троим друзьям. Они уже сидели кружком на песке, говорили, как о давно решённом.

– На полдень надо идти в горы. Найдём каку деревеньку, наймёмся в работники, там оглядимся: останемся или дальше пойдём, – рядил Овдоким, обмысливая побег.

– Не об том сейчас речь, – высказывал свою задумку Михайло. – Лета самое начало, в тайге ещё голодно. Птахи всякие птенцов вывели, яиц нету, а птенцы – голимый пух. Кого с них возьмёшь? Ни колбы, ни ягод, ни грибов ещё нету. Пропитания в тайге сейчас нету никакого. И зверя нам голыми руками не добыть. С голодным брюхом много не набегаешься. Подготовиться надо. Муку недавно выдали, пуда полтора наскребём поди-ка. Отдадим бабам, чтобы хлебов напекли да сухарей насушили. У мужиков-урочников бредешок выменяем, вот тада и побегим.

Овдоким задумался.

– А сболтнёт кто ежели? Сразу догадаются, зачем сухари сушим. Это чо ж, до осени готовиться будем? Не, я так не согласный.

– Уж прям до осени, – возразил Михайло, – неделю-другую повременим. А как ты хотел, приготовиться надобно. Чо ж так-то бечь?

Овдоким вскочил, топнул ногой по песку, запустил руки в волосы, вскинул лицо кверху:

– Вы как хочете, мужики, а я на рудник не вернусь. Мочи моей нету терпеть страсти эти. Да нешто Вседержитель душу в нас вдохнул, штобы терпели мы всё это. Да лучше было бы родиться тварью бессловесной, штобы не чувствовать ничего. Скотину так не держат, как нас держат. Вы гляньте: солнышко сияет, пташки щебечут, ветерок дует, и нету над имя ни надсмотрщиков, ни командиров. Нешто не про нас вся эта благодать божья? За каки таки грехи мучительства терпим? Опять нам в подземелье проклятое? Да не бывать тому! Пускай меня хотя б насмерть запорют да хоть на плаху голову положат, – вскричал Овдоким, сжимая перед собой кулаки. – А хоть денёк да подышу волюшкой!

Представив себя на миг свободным человеком, Овдоким ощутил прилив оглушающего счастья и не мог насильно заставить себя вернуться в неволю.

Через полчаса ветви раскидистой боярки колыхнулись и скрыли беглецов.

Глава 2

До полуночи было ещё далеко, но всё пространство погрузилось в темноту, разрежённую немощным светом бледного серпика и сиянием перемигивающихся звёзд. После недавних буранов землю придавил жестокий мороз. Казалось, всё живое, сохраняя тающее тепло, притихло, свернувшись комочками, даже буянивший столько времени ветер оцепенел и скукожился. Лишь люди, презрев стужу, занимались своими делами. Бороды у мужиков смерзлись у рта, губы слиплись. Лошади покрылись пушистыми попонами.

По сторонам дороги появились очертания причудливых строений, разбросанных в беспорядке. Пашка отвернул облезлый воротник тулупа, спросил у возницы:

– Дяденька, это Змеиногорск?

Возница обернулся, разлепил губы, ответил хрипло:

– То камни, не избы. К Саушинской станции подъезжаем, до Змеёва ещё…

Он не договорил. Рядом, казалось, в десятке саженей от дороги раздался вой, суливший гибель всякому живому существу, дерзнувшему оказаться ночью посреди степи. Следом ещё и ещё послышались голоса серых степных обитателей. Лошадь, доселе едва переставлявшая ноги, всхрапнула, взбрыкнула и перешла на рысь.

– Ах ты, мать честная! – вскрикнул возница, с которого вмиг слетела вязкая дремота, и, не удовлетворившись бегом своей унылой лошадёнки, несколько раз стегнул её по спине.

Остальные сани обоза тоже прибавили ход. Повизгивали полозья, посвистывал ветер. Озноб от крепкого мороза сменился ледяным оцепенением ужаса.

– Чо, забоялся? – спросил Спирька.

– А ты нет? – огрызнулся Пашка.

Вой смолк и более не повторялся, но звери были рядом. Лошади из последних сил неслись вскачь. Пашка выбрался из худого тулупа, в который кутался вместе с дружком. Кнут свистел в руках возницы, не переставая, но ужас подхлёстывал лошадь и без побоев. Рядом с дорогой послышался рык, которого Пашка не слышал даже у самого свирепого пса. Ермолай – так звали возницу – бросил через плечо:

– Шумите чем-нибудь, кричите!

– Кого кричать-то? – испуганно спросил Пашка.

– Да кого хочете, шуму побольше!

Сам Ермолай громким прерывающимся голосом костерил всё земное и небесное, что только взбредало на ум его. Обоз состоял из десятка саней, и хищники пока не решались наброситься на жертву.

– Вот они! – закричал Пашка.

– Поблазнилось? – с надеждой спросил Спирька.

– Никого не поблазнилось. Волчище, пасть разинута, а зубы, зубы-то!..

Перепуганный Спирька с головой укрылся тулупом. Объятый страхом подросток не сообразил, что зубов в темноте его насмешливый дружок разглядеть не мог. Пошарив в передке саней, возница вытащил палку, обмотанную тряпьём, отвязал от пояса мешочек, обернувшись назад, бросил все предметы в глубь саней.

– Эй, мальцы! В огневице кремень и огниво с трутом. Вздуйте огонь и пламенник запалите.

Пашка высекал огонь, Спирька подсовывал трут. Пару раз кремень ударил по озябшим пальцам, но Пашка не чувствовал боли. Прошла вечность, прежде чем пропитанное дёгтем тряпьё задымило и занялось. Ермолай уж несколько раз оглядывался в нетерпении. На иных санях тоже зажглись спасительные огни. Спирька, зажмурившись, закутался в тулуп, шептал молитву:

– Матушка божья, Царица небесная! Спаси мя, грешного, от дикого зверя, закрой ему зубы, глаза пусть ослепнут, не видят меня. Матушка Божья, избавь от беды! От зверя голодного не дай мне погибнуть, растерзанным быть.

Пашка, стоя на коленях, сжимал в руках горящую палку, готовясь сунуть её в зубастую пасть. По сторонам вспыхивали светлячки – не понять было, снег ли искрится, волчьи глаза ли светятся. Тени хищников мелькали в колеблющемся свете пламени, но нападать они по-прежнему не решались. Горящие пламенники удерживали их от решительного броска. Впереди слева показались слабые, едва различимые огни. Возница радостно закричал:

– Вот она, Саушинская! Ну, слава богу, спаслись!

Лошадям, уже выбивавшимся из сил и замедлившим бег, добавилось сил.

Обоз сгрудился у тесовых ворот, лошади были в мыле, тяжело поводили боками. В толстенные плахи стучали кулаками, пинали ногами. Во дворе голосила собачонка, басовито лаял волкодав. Сквозь лай послышалась недовольная ругань, и ворота распахнулись, сани въехали во двор. Возницы распрягали, кормили лошадей, весело матерились пос ле пережитого.

– Мужики! – вскричал один. – Васьки-то нету, последним ехал.

– Точно, нету! Вот едрит твою в корень! Пропал Васька.

Мужики загалдели.

– Вернуться бы надобно.

– Каво теперя исделаешь? От Васьки одни кости остались.

– Эх-ма!

Пашка со Спирькой юркнули в избу. Не снимая сермяг, прижались к тёплой печке.

– Вот нехристи! Ни лба не перекрестили, не поздоровались!

У загнетка, не замеченная мальчишками, стояла толстая тётка, уперев руки в боки и насмешливо глядевшая на гостей.

– Простите, тётенька, зазябли шибко, – пискнул Спирька.

– Да уж вижу, как вас колотун бьёт. Одёжу скидайте да к столу садитесь. Щец вам налью. Хлеб-то у вас есть? У меня только щи, пустые, зато горячие.

Отогревшись, сняв сермяги, юные путники огляделись. Заезжая освещалась потрескивающей лучиной, вставленной в светец над небольшой кадушкой. Едва ли не треть помещения занимала печь с огромной лежанкой. Посреди стоял тяжеловесный стол, вдоль стен – двухъярусные полати. Пахло овчиной и капустой, но главное (и это покрывало все недостатки) – в избе было тепло. Пашка достал из-за пазухи краюшку хлеба, разломил пополам. Подумал, сунул одну половинку обратно за пазуху, вторую разломил ещё на две части. Один кусок подал Спирьке, второй оставил себе.

– Паш, ну, Паш, – канючил Спирька. – Давай всё съедим. У меня брюхо к хребту прилипло.

Весь немудрёный харч из-за слабости Спирькиного характера хранил Пашка.

– Завтрева чего кусать будем? Потерпишь, ещё когда до Змеиногорска доберёмся.

От горячих щей у мальчишек выступил пот, по телу разлилось блаженное тепло. Мысль об ужасной участи одного из возниц (и другая, ещё более жуткая, что на месте несчастного могли оказаться они сами) бросала в дрожь.

В избу гурьбой ввалились мужики, крестились на икону, здоровались с тёткой.

– Здорова будь, Лукерья! Всё толстеешь, эк тебя разносит.

– Сама не знаю с чего. Беда, ноги пухнут.

Хозяйка ставила на стол мисы с горячими щами, мужики доставали из котомок хлеб, луковицы, сало. Перепало и мальчишкам.

– Это чо за мальцы, ране не видала.

– Горные ученики, – ответил Ермолай. – из Барнаулова посёлка в Змеёв везём.

– Дак в Змеёве своя школа есть.

– Начальству видней, не нашего ума дело. Велено самых башковитых в науку к Митричу свозить.

Лукерья стояла у печи, скрестив руки на необъятной груди.

– Сколько ж вам годков, башковитые?

– Шашнадцать, – ответил Спирька, прожёвывая сало и луковицу.

– Иди ты, я думала годков по четырнадцать, не боле. Дружок твой ишо ничо, ты-то совсем заморыш, – говорила любопытная тётка без смущения.

– С малолетства на заводе – откуда здоровье?! – пояснил Ермолай и спросил: – Вы из каких, мастеровых или приписных?

– Мастеровых, – ответил Пашка и гордо добавил: – Ишо дед на заводе робил.

– Чой-то попутчики ваши дрожат и дрожат, перемёрзли в дороге-то.

– То они с перепугу: Ваську волки задрали.

– Свят, свят, свят! – перекрестилась Лукерья. – Иде ж то приключилось?

– Рядом. До Саушинской десяти вёрст не будет, – пояснил Ермолай и спросил у сидевшего рядом мужика: – Ты, Фёдор, перед Васькой ехал. Нешто не заметил, как беда приключилась, куды глядел?

– Куды, куды, – сердито ответил мужик, утирая бороду. – Куды ты глядел, туды и я. Гнали во всю прыть. Кто по сторонам глядел? У Васьки, однако, и огнива не было, огня он не зажигал.

– От волков огонь первое дело, – проворчал угрюмого вида мужик с заросшим до самых глаз лицом.

– Николе-чудотворцу помолиться надо было, – сокрушалась Лукерья. – В церкву сходить, молебен заказать перед такой-то дорогой.

– Молебен! – передразнил угрюмый мужик. – Нешто поп за так служить станет? Да он без платы и лба не перекрестит! У нас откудова деньги? Говорю: от волков первое дело огонь, и вместях надобно держаться, а молитва от нечистых помогает.

Светловолосый мужик с острым носом и тонкими губами, сидевший напротив Пашки, резко отодвинул мису, едва не расплескав недоеденные щи, ударил ребром ладони по столешнице.

– Неладно с Васькой вышло. Вместях ехали… И-эх! Видать, лошадёнка пристала, он и отстал. Может, и огниво было, да со страху-то и пальцы на морозе задубели, вот и проёшкался. Каво теперя гадать, да и толку-то с того. Сколько наших в прошлом годе волки загрызли? Пятерых, однако.

– Вы б у начальства солдат просили для охраны. У солдат-то ружья, – влезла с советом Лукерья.

Остроносый зыркнул на глупую бабу.

– Солдаты начальству для иного надобны. Кто ж рудники да заводы стеречь будет, штобы мастеровые не разбежались? Начальству – чо? Мороз, буран – ему и делов нету. Урок даден, иди сполняй – как и чо, то твои заботы.

– А не сполнишь, так выдерут, неделю на брюхе лежать будешь, пока очухаешься, – вставил угрюмый.

В избе повисла унылая тишина. Посидев, мужики полезли на полати.

Глава 3

Козьма Дмитрич повесил на вешалку шинель, приложил ладони к горячим изразцам печного зеркала. Зимний день угасал, в кабинет закрадывался полумрак. Согревшись, Фролов зажёг восковые свечи в трёхсвечном шандале, уселся в твёрдое деревянное кресло. Такая была давняя привычка – сесть в кресло или на стул, поставить на стол локти, сцепить пальцы и посидеть с четверть часа, обдумывая в тишине сегодняшние дела. Сегодня после спуска в Вознесенскую шахту к колесу ходил на Корбалихинские похверки, провёл там весь день, даже домой на обед не заскочил. Торопился на вечерний совет: Катерина Афанасьевна опять разворчится. А ещё край надо было в плотницкую заскочить, не получилось. Придя в контору, пошутил, перекинулся парой словечек с караульным солдатом, истопником – это тоже была давняя привычка. В чертёжной раздавались голоса, при звуке шагов управителя рудника смолкли. Узнать, не надо ли чего, в кабинет заглянул секретарь Бергамта вице-маркшейдер Василий Фомич Спицын. Василий Фомич был невысоким толстеньким мужчиной с основательной проплешиной на темени. На круглом лице его с носом «уточкой» и губами-пельменями навсегда застыло выражение «Чего изволите?». Правда, сие выражение относилось не ко всем, да и сам Василь Фомич знал своё место. Чин носил невелик, тринадцатого класса, но всё же чин. Чин сей ему исхлопотал четыре года назад тогдашний управитель Леубе, а до того четырнадцать лет Спицын проходил в унтерах, а до того в подштейгерах. Чин получил благодаря неожиданно открывшемуся таланту. У сына горного служителя нечаянно проявилось изрядное умение к каллиграфии. Талант каллиграфа имелся, а познания в грамматике отсутствовали начисто. Попервах новоявленный писарь за порчу казённой бумаги получал от своего начальника не токмо выговоры, но и затрещины. Постепенно поднатаскался и в грамматике. О производстве в следующий чин Василь Фомич и не мечтал, но лелеял надежду переместиться в Петербург. Надежда была несбыточной, но всё-таки… чем чёрт не шутит! Фортуна – дама капризная и загадочная. Какому провидцу ведомо, как завтрашний день обернётся? В Петербурге он бы и при своём малом чине сумел бы хорошо обернуться. Одно слово – столица, в ней все концы сходятся. Углядел же его управитель рудника, почему министр не приметит. Вот принесут Его Высокопревосходительству документ на прочтение, оне прочтут и изумятся. Кто ж это так превосходно пишет? Велит разыскать. Ему и донесут, есть, дескать, далеко на Алтае, в Змеиногорском Бергамте такой-сякой секретарь, коий изумительно владеет каллиграфией. И прикажет его превосходительство забрать такого-сякого секретаря в свою канцелярию. Не токмо ради тщеславия и корысти лелеял Василь Фомич надежду о Петербурге. (Имелись-таки крупицы и тщеславия, и корысти!) Как водится у чиновников низших классов, едва сводящих концы с концами, был Спицын обременён семейством. (Зачем только женятся да нищету плодят?) Старший сын Пётр был пристроен, служил сержантом в Барнаульском гарнизоне, ожидал производства в прапорщики. Два малолетних сына подрастали, но о них отец мало беспокоился. Сыновья учились в арифметической школе, уж коли отец получил офицерский чин, получат и они. Судьба дочерей, шестнадцатилетней Верочки и осьмнадцатилетней Анюты, терзала отцовское сердце. Приличные женихи в Змеиногорске не водились. Горные и гарнизонные офицеры были частью женаты, частью такие вертопрахи, что спаси бог! Среди купечества приличной партии также не просматривалось. Невзрачный человечишко, готовый ради чина сапоги начальству чистить, мнил, что именно начиная с него его род станет благородным. Тля, вошь ничтожнейшая для превосходительств и сиятельств имел дерзновенную мечту: если не дети, то внуки сравняются с их превосходительствами и сиятельствами. Выдать дочерей за унтеров, тем паче мастеровых или безгильдейских купцов означало крушение чаяний, налагало позорное пятно на благородное имя Спицыных. Хотя и дозволялось унтеру за двенадцать лет беспорочной службы получить чин, Василий Фомич по себе знал, как эти чины раздаются.

Чин се дворянство. Жизнь вне дворянства представлялась Василию Фомичу тусклой и неудачной. Он согласился бы и на купца второй гильдии, ибо сих купцов запрещалось сечь розгами. Супруга Домна Ильинична шептала по ночам:

– Ну, и выдадим за унтера, так что с того. Я ж за тебя за унтера вышла. А в девках засидятся… чего хорошего? Кто перестарка возьмёт?

Супруг ни в какую не соглашался.

– Съездить бы вам в Барнаульский посёлок да пожить зиму. Хотя и посёлок, а всё горное начальство в нём обитает.

Домна Ильинична спорила.

– Уж лучше в Бийск. Бийск – город уездный. Тамочки и войско большое стоит, значит, и офицеров много, и купечества поболе.

Ни денег на поездку, ни родичей для жительства в Барнаульском посёлке или Бийске у Спицыных не имелось. Дабы поддержать достаток семьи и насобирать дочерям на приданое, Домна Ильинична с обеими девицами вязала для продажи тёплые вещи, а летом выращивала и солила капусту.

Хлопала входная дверь, слышались голоса офицеров. Мысли Фролова витали не в облаках, а спустились на десятки саженей под землю, в кунстштат Вознесенской шахты. Там они находились почти постоянно, выбираясь на поверхность на непродолжительное время.

В кабинет входили офицеры, почтительно здоровались, рассаживались вдоль стены. Доклад начал гиттенфервальтер Алоис Николаевич Лампрехт. Старший Лампрехт звался немецким именем, но русское отчество от него образовывалось с трудом, потому сына его для удобства величали Николаевичем. За глаза и среди горных чинов и унтеров мастеровых Лампрехта прозывали Гусаром. На «производстве работ» горным чинам дозволялось ходить без эполет и шпаги. Но Алоис Николаевич носил и шпагу, и шпоры, а на зелёном форменном кафтане у него сверкал серебряный значок, присланный Кабинетом в поощрение «за беспорочную службу».

– Запасов угля для кузниц и салотопни имеется не более недельного. Из-за буранов подвоз прекращался, урочники застряли в пути. Ежли опять задует на неделю, кузницы, к прискорбию, встанут. Надобно дополнительно занарядить не менее сотни саней, дабы с запасом навозили.

Гиттенфервальтер преувеличивал размеры нехватки. Запасов угля хватит на месяц, не менее. Козьма Дмитрич сам сегодня проверил. Но таков уж был господин гиттенфервальтер. При случае мог заявить: «А я предупреждал!»

Фролов чиркнул в блокноте.

– Хорошо, Алоис Николаевич, я распоряжусь. Вчера должен был вернуться обоз с Барнаульского посёлка. Что-нибудь ещё имеете доложить?

– Точно так. Промывальщик Микишка Назаров не вышел на работу. Стан простоял два часа, пока нашли замену. Предписано мною сему Микишке двадцать розог.

– Не многовато ли, господин гитенфервальтер?

– В самый раз, господин бергмейстер.

– Он почему на работу не вышел?

– Сказался больным, да, я думаю, врёт, к лекарю не ходил. С похмелья встать не мог, вот и вся причина.

Господин гитенфервальтер был зол на весь белый свет. «Предписал» бы и полсотни, но новый управитель более двадцати розог «предписывать» не позволял. На неделе Алоис Николаевич проиграл в пикет сопляку Леманну два рубля семьдесят восемь копеек серебром. Сумма не велика, но денег было жалко, господин гитенфервальтер очень не любил пустые траты. Но ещё обидней был проигрыш не солидному игроку, а юнцу. Всему виной Лампрехт считал перцовку, которую при игре потреблял подобно прохладительному. Вчера перед игрой,

желая взять реванш, дал зарок, ежели и не совсем не пить, сократить количество рюмок вдвое. Но карта не шла, и отыграться не получилось.

– В штольне Екатерининской случился обвал, – докладывал берггешворен Глазенап. – Двоих рудовозов пришлось отправить в госпиталь. В орте Преображенской при взрыве насмерть придавило одного работного.

– Пускай шевелятся, – буркнул Лампрехт. – Ходят, нога за ногу цепляется.

– В госпитале трое померло, – продолжал Глазенап. – Людей не хватает, господин бергмейстер. Ещё двое опоздали на работы. Мною предписано по пятнадцать розог и на неделю жить в дисциплинарной казарме. Авось за неделю приучатся к дисциплине.

– Пятнадцать розог и неделя казармы – многовато, Эберхард Юргенович. Прошу вас, смягчите наказание, – Козьма Дмитрич мягко посмотрел на рыжеволосого берггешворена.

– Чтобы был хороший работа, нужен дисциплин. Мужик не знает дисциплин, надо учить палкой.

Лампрехт с наглецой смотрел в глаза бывшему «мужику». И сам Алоис Николаевич, и отец его родились в России. Но иногда Лампрехт коверкал русскую речь. Как думалось Фролову, из особого непонятного шика.

Фролов остановил тяжёлый взгляд на шихтмейстере Сазонове. Тот заёрзал на стуле, силясь припомнить свои упущения, но таковых не припоминалось.

– Господин шихтмейстер, извольте объяснить, почему детали к колесу приходится подгонять на месте.

– Господин бергмейстер, вам же известно, плотник Остроглазов поранил руку, не может робить. Остальные плотники не столь искусны.

– А вы там на что? – язвительно спросил Фролов. – В плотницкой имеются шаблоны, вы обязаны проверять каждую деталь. Чем вы только занимаетесь?

Козьма Дмитрич разговаривал ровно и размеренно, редко повышая голос и никогда не срываясь на крик – даже делая выговор самому нерадивому работнику. Это не было его правилом, таков был его нрав. Так он разговаривал и с начальством, и с подчинёнными, вплоть до самых незначительных.

Эта особенность поведения действовала умиротворяюще на собеседников, даже на таких необузданных крикунов, как Леубе.

Сазонов шмыгнул, посмотрел исподлобья на въедливого управителя.

– Да, где ж мне поспеть за всем, Козьма Дмитрич? На мне и плотницкая, и кузница, и салотопня. Гляжу, чтоб все робили, не лодырничали. Знаете ж, глаз да глаз нужон. Вот и хожу, проверяю.

– Господа, надобно среди урочников поискать доброго плотника. На сегодня закончим. А вы, Сазонов, плохо справляетесь со своими обязанностями.

Офицеры гуськом вышли из кабинета.

Совсем необязательно бергмейстеру, начальствующему над рудником, ежедневно спускаться в шахту, но Козьма Дмитрич не мог без этого. Супруга с утра пеняла:

– Да в твои-то годы по шахтам лазить? Зимой, не ровен час, поскользнёшься, упадёшь с эдакой высоты, кости переломаешь али отобьёшь чего. Не лазий ты в эту шахту. Али помощников у тебя нету?

Улучив паузу, когда супруга делала вдох и смолкала, Козьма Дмитрич наставительно говорил:

– В сотый раз объясняю: лестницы каменные, удобные. Ничего со мной не случится.

Переделка лестниц обернулась историей продолжительностью более полутора десятков лет. Приехав в Змеиногорск и впервые спустившись в Екатерининскую шахту, Фролов ужаснулся. Лазить по этим летом узким, скользким от грязи, а зимой обледенелым сооружениям

было сущим смертоубийством: того и гляди сверзишься с пятисаженной высоты. Так, в сущности, и происходило. Не было счёта искалеченным – переломанным рукам и ногам, свёрнутым шеям, разбитым головам. Тогда же Козьма Дмитрич хотел заменить узкие шаткие деревянные лестницы широкими каменными. Благо строительного материала имелось вдосталь: пустую породу было некуда девать. Но начальство не дозволило. Рабочих рук не хватает, а оберштейгер Фролов решил пустяками заниматься. Потери рабочего времени из-за травм в расчёт не принимались, а уж о страданиях покалеченного «мужичья» и разговора не было. Теперь он сам начальник на руднике и исполнил давно задуманное.

После утренней раскомандировки работных Козьма Дмитрич спускался в Вознесенскую шахту. Не терпелось. И, правда, мастера доложат, что сделано и как сделано. Но не мог утерпеть, чтобы самому не глянуть. Слишком долго ждал этого. Двадцать с лишком лет назад в Берёзовке на Урале он запускал первое своё детище – золотопромывательную машину. Тогда его, молодого, жгло нетерпение. То нетерпение осталось на всю жизнь. Сколько раз Кабинет отклонял его проекты, усматривая в них лишь пустую трату средств, коих в казне и без того мало. Действительно, зачем тратить деньги на облегчение труда мастеровых. Или в России мужичье сословие оскудело, или розог не хватает, чтобы заставить мужичьё работать. Того начальство не понимало – благодаря его устройствам, не только тяготы горных служителей уменьшатся, но и добыча руды возрастёт. На все его доводы в Главной конторе посмеивались: «Батогов не жалейте, вот и добыча возрастёт». Посмеивались, пока жареный петух не клюнул. В верхних выработках руду взяли, в нижних воды по колено, работать невозможно. Побежали мужички из подземной каторги в таёжное приволье. И голодно, и холодно, зато воля. Хотя в тайге никто с калачами не ждёт, но и надсмотрщиков нет, на «козе» не раскладывает и сквозь строй не гоняет. И работа совсем не та, что в подземелье. Тут-то и вспомнили про проекты надоедливого сына мастерового. Дозволили строить водоотлив.

Камеру для водоналивного колеса, что приведёт в действие поршни водоотлива, все проходы обложили крепким роговым камнем на растворе из глины, песка и извести. Хороший раствор получился (сам не раз пробовал). Хотя и не терпелось поскорей закончить постройку, но делали без спешки, добротно. Пока к окончательному решению пришёл, сколько дум перебрал, прикидывал и так, и эдак. Разгадка пришла среди ночи. Козьма Дмитрич вскочил на постели, до смерти напугав сладко почивавшую супругу.

– До чего же я туп! – объявил супруг, зажигая свечу. – Как такая простая мысль сразу в голову не пришла! Не нужно второе колесо, не нужно!

– Батюшки светы! – проговорила супруга, хлопая со сна глазами. – Какое колесо? Приснилось чего? Испей кваску да спать ложись. Беда с тобой.

Козьма Дмитрич поставил свечу на стол, достал бумагу, карандаши. Вода поднималась установкой на сорок сажен, до поверхности оставалось двадцать. Предстояло ставить ещё одно

колесо, подводить к нему воду, устанавливать насосы, а для них пробивать ещё одну шахту. Среди ночи пришло озарение. Да ведь Корбалиха находится много ниже. Не нужны ни дополнительное колесо, ни насосы. Нужно от выработки для поднятой воды пробить наклонный подземный проход, и сбрасывать воду в Корбалиху.

Завтра пошлёт маркшейдера сделать все необходимые замеры, хотя и так всё ясно. Спать в ту ночь Козьма Дмитрич больше не ложился.

В свои пятьдесят шесть Фролов поднимался от рудника к Горной конторе без остановок и одышки. Солнце подкатывалось к Караулке и слепило глаза. Сверкал снег, заваливший избы, огороды, весёлые воробьи клевали конские яблоки, рассыпанные по дороге. У крыльца, греясь, толкались два подростка. Караульный солдат сказал им что-то, те прекратили толкотню, скинули шапки, поклонились в пояс. Тощий загнусавил промёрзшим голосом. Фролов подумал: милостыню просят.

– Дяденька, – второй ткнул локтем в бок, тот поправился: – Ваше превосходительство…

Товарищ перебил:

– Господин бергмейстер, мы горные ученики, направлены к вам барнаульской конторой для обучения всяким горным наукам.

– Добро, добро. Чего ж на морозе-то ждёте?

Солдат, оправдываясь, пояснил:

– Василий Фомич велели тута ваше превосходительство дожидаться.

Фролов хмыкнул: ох уж этот Василий Фомич!

– Идёмте в контору, чего на морозе разговаривать?

Парни сняли сермяги, шапки, сложили на пол у порога, несмело оглядывали кабинет. Фролов разделся, сел в кресло.

– Ну-с, молодые люди, как добрались, понравился Змеиногорск?

Спирька согрелся, дядька бергмейстер оказался вовсе не злым, как представлялось в дороге. Глаза, окружённые морщинками-лучиками, смотрели по-доброму.

– На нас волки напали, – поведал он с детской непосредственностью. – Так и скачут, так и скачут. А зубастые – страсть. Одного мужика насмерть задрали.

– Этого нам ещё не хватало, – проворчал Фролов. – Рассказывайте, что изучали. Арифметику, геометрию, черчение знаете? Кем работали?

– На толчее и промывке робили, – ответил Пашка.

Досконально выяснив знания и навыки учеников, Фролов отправил их устраиваться.

– Завтра пойдёте со мной на Вознесенскую шахту, там будете работать. Сейчас идите в рудничное общежитие, устраивайтесь. Вот вам записка, найдите штейгера Луконина. Он вам место укажет и муку выдаст. У вас еда-то есть какая, деньги? Голодные небось?

При упоминании о еде парни невольно сглотнули.

– Нам сказали: тут, на руднике, на довольствие поставят, – виновато ответил Пашка. – А домашнее съели.

Фролов хмыкнул, вынул кошель, достал рубль, протянул Пашке.

– Вот, возьми. Сходите в лавку, тут недалеко. Поешьте чего-нибудь, пока устроитесь. Утром, как барабан услышите, сразу вставайте, у нас с этим строго. Приходите сюда, в контору, я освобожусь, и пойдём на шахту.

Отправив учеников, Фролов вызвал секретаря. Спицын остановился посреди кабинета, предваряя вопрос, доложил:

– Добыча руды на уровне прошлого года. За последнюю неделю никто не сбежал. Понятное дело: то буран, то морозяка заворачивает.

То были больные вопросы. Добыча руды, который год падала, количество же беглых год от года возрастало.

– Бери бумагу, карандаш, Василий Фомич, писать будем.

– Опять в Кабинет, Козьма Дмитриевич?

– Туда, туда, – поджимая губы, скороговоркой ответил Фролов.

Спицын прилежно исполнял свои обязанности, не вступая в споры и пререкания с начальством. Он человек служивый, – что начальство прикажет, то и исполняет. Охота начальству переводить казённую бумагу и тратить попусту время – на то его, начальства, воля. Ежели начальство прикажет делать сегодня прямо противуположное вчерашнему, он с готовностью исполнит. Недавно из Кабинета пришёл сердитый ответ на очередной фроловский прожект. Предлагал Фролов для побуждения усердия к работе у горных служителей и мастеровых поощрять их серебряными рублями, подобно тому, как поощряет Кабинет за беспорочную службу господ офицеров серебряными значками и шарфами. Ещё предлагал мягкосердечный бергмейстер давать горным служителям и мастеровым неделю отдыха один раз в месяц, дабы не только отдыхали от тяжкой работы, но и по своей охоте, с дозволения начальства ходили на заработки. Ибо содержать семьи на выплаты, кои они получают, нет никакой возможности. Работа же есть и на самом руднике, в кузнице, на лесопилке, в салотопне. Подобные меры облегчат жизнь работников и сократят самовольное оставление работ. Фролову разъяснили: серебряные рублёвики пойдут во вред, а не на пользу, ибо употребятся простолюдьем на пьянство. Да и не может казна сорить рублями. Для возбуждения усердия к службе у горных служителей и заводских мастеровых есть розги и шпицрутены. Дабы приучить мужиков к дисциплине, существуют казармы со строгим распорядком. Коли рабочих рук не хватает, следует просить Ея Величество о приписке к руднику новых деревень. А он, господин управляющий, действует несообразно обстоятельствам. При нехватке рабочих рук хочет установить отдых.

«Эх, Козьма Дмитрич, Козьма Дмитрич, – думал Спицын, – голубиная твоя душа. Да рази мужик-от добро понимат? Кулаком в рыло, а в разум не войдёт. К Пригонной горе сводить – враз зачешется. Уж он-то доподлинно все мужицкие увёртки знает. Мужику чо надо – брюхо набить, в кабак сходить да спать завалиться».

Начальство и он, Фролов, разговаривали на разных языках. Что барнаульское, что петербургское две методы знают: розги и шпицрутены, шпицрутены и розги. Руда на верхних горизонтах выбрана, нужно идти вглубь. Для того надобно ручной труд менять на машинный. Гора Змеиная, речки Змеёвка и Корбалиха – редкостное сочетание. Перепад высот даёт возможность с помощью воды производить не токмо водоотлив с затопляемых нижних выработок, приводить в действие лесопилку, толчею, рудоразборный стан, но и поднимать руду и породу с самой глубины. Что ни предложит, ответ один: нет. Притеснениями да наказаниями не усердие к работе возбуждаются, а отвращение. Уж ему ли не знать об этом! Но как объяснить это людям, для которых мужик является не человеком, а скотом. Никакого просвета в жизни ни у рудничных, ни у урочников нет. Попал в рудничные или в приписные – каторга до самой смерти. У половины урочников лошадёнки заморенные, упряжь верёвочная, худая. После каждого перегона перевязывают да связывают, вот и ползут обозы, подобно улитам.

Нахмурившись, обдумывая содержание письма, Фролов подвигал по столу медный транспортир, кивнул Спицыну на стол у стены.

– Садись, Василий Фомич, будем писать, капля камень долбит.

Глава 4

На восточной половине неба бледнели звёзды. На вершине высокой сопки проступали очертания каменных скал, одиночных пихт. Мороз зло кусался, лез под сермяги. Края малахаев опушились изморозью. По простору рудника в мятущемся свете костров и пламенников двигались вереницы озабоченных людей, исчезавших в темноте. Пашке и Спирьке казалось, что все эти люди заняты бестолковым хождением. Шумело колесо, на лесопилке визжали пилы, из трубы в кузнице поднимался дым, из раскрытой двери слышался стук молота. Бергмейстер ходко спускался по широкой тропе, натоптанной по косогору. У придомка на склоне остановился. На площадке возле придомка громоздилась куча непонятных деревянных изделий, металлические трубы. Работные, толпившиеся на площадке, при виде начальства заторопились, нагрузились деревянными штуковинами, трубами и скрылись в подземном проходе. Хромой мужик, стоявший у входа, зажёг толстую сальную свечу в лампе, подал лампу Фролову.

– Это штольня Луговая. Давайте за мной, да глядите хорошенько, а то зашибётесь, – пояснил бергмейстер.

Поклажа рабочих задевала за стены, тыкалась во впереди и сзади идущих. Мужики коротко и зло ругались. Стены и кровлю штольни слагали камни, скреплённые раствором, пол покрывал деревянный настил, темноту скудно рассеивали редкие лампы, висевшие на стенах. Предупреждение бергмейстера пришлось кстати. В полумраке подростки натыкались на стены. Спирька споткнулся о кусок породы, валявшийся на полу. Пашка успел подхватить дружка за руку, сердито прошипел:

– Спишь, што ли?

Штольня несколько раз повернула, и пространство её наполнил усиливающийся с каждым шагом гул, через десяток саженей обернувшийся звоном металла, образующимся от ударов молота. Штольня осветилась красным светом, падавшим справа из обширной выработки, в которой располагалась кузница. Любопытничая, ученики приостановились, но управитель ушёл вперёд, и им пришлось ускорить шаг. Свет из кузницы истаял в темноте, но металлический гул по-прежнему наполнял подземный проход.

Посветлело. Штольня вошла в обширную выработку, свод коей скрывала темнота. Посреди выработки находилось устройство в самом начале сборки, по обе стороны от устройства стояли две массивные тумбы. Деревянные детали носильщики складывали в углу выработки, а металлические трубы затаскивали в следующую штольню ещё более узкую, передвигаться по которой можно было, лишь встав на четвереньки. Служитель, разглядывавший чертёж, разложенный на собираемом устройстве, обернулся, на лице его появилась радостная улыбка.

– Здорово, Митрич, – поздоровался он с бергмейстером, словно тот был закадычным дружком, соседом, с которым бок о бок прожил не один десяток лет, а не высоким начальством.

Здесь, под землёй, отношения между людьми складывались иначе, чем наверху. Тут, в недрах земли, проявлялась самая сущность человека, его истинный нрав без надуманных свойств.

– Здравствуй, Хрусталёв, – запросто, за руку поздоровался Фролов. – Что у тебя?

Хрусталёв сбил на затылок шапку, виновато посмотрел на начальника.

– Чой-то не пойму я здесь, – сказал, ткнув пальцем в чертёж. – Мараковал, мараковал, никак не пойму. Разобъяснил бы.

Оба склонились над чертежом, перебрасываясь непонятными словами.

– Вот оно, «слоновое» колесо, – шёпотом произнёс Пашка.

– Ага, – также шёпотом ответил Спирька.

Предоставленные самим себе, горные ученики с любопытством осматривали выработку. Из узкого прохода, в который подавали трубы, доносились голоса, там тоже шла работа. Свод, стены и даже пол выработки были выложены камнем на крепком растворе. Дотошный Пашка даже потрогал несколько, ни один не шевельнулся. Стоять без дела стало скучно, юный горняк подошёл к колесу, заглянул через плечо Хрусталёва. Тот уже оставил чертёж, показывал Фролову сделанное за прошлый день. Бергмейстер придирчиво осматривал выполненную работу, но остался доволен. Хрусталёв оглянулся на Пашку, хмыкнул:

– Малый-то любопытствует.

Фролов спохватился.

– Я и забыл про них. Ученики это. Ты, Павел, помогай Хрусталёву, а Спиридон пускай на поршни идёт. Потом мне расскажете, что поняли.

Хрусталёв переминался с ноги на ногу, скрёб за ухом, поджимал губы, смотрел на Фролова искательно. Козьма Дмитрич не выдержал:

– Говори уже, чего мнёшься.

– Я мужик, конечно, тёмный, но вот задумка у меня, может, посмеёсси. Мы вот колесо ладим, штобы, значит, воду наверх подымать. Ежели ещё колёсо поставить… От кривошипа, понятное дело, шатуны разные, тяги, и не поршни вверх-вниз таскать, а ворот крутить. Тем воротом бадьи с рудой и породой подымать. Чо скажешь? – спросил и заговорил скороговоркой: – Ведь облегчение-то какое будет, и работы быстрей пойдут.

– Хорошая задумка, Ефим, молодец! – Фролов, удивив Хрусталёва, радостно засмеялся. – Поставим мы с тобой колёса, и не одно. И из шахт будем водяными колёсами подымать руду, и на станы её с рудника доставлять.

Вот же как получается: тёмный мужик понимает, а люди образованные, благородные, по службе своей обязанные способствовать развитию наук, это развитие гнобят в зародыше. У немцев учиться надобно! Огневую машину-то не немец – русский мужик, сын солдата, Иван Иванович Ползунов построил. Не стало Ползунова, и детище по железкам разобрали и забыли. Ждём, когда немцы изобретут. Изобретут, конечно, поди-ка у нас подсмотрят, на свой лад сделают, да нас же и учить станут. Эх, Ваня, Ваня, друг мой милый, что ж ты так рано ушёл!

Пашка решил, что Хрусталёв мастер, или десятник, или ещё какой смотритель, но тот оказался простым горным служителем. Мастером оказался бритый мужик в тёплом картузе и сапогах. Основным занятием мастера было покрикивать на рабочих и не давать им передышки. Объяснение Хрусталёва было коротким.

– Вот смотри, мы с Федькой вот эту хреновину ставим сюда, Гришка с Петрухой подсовывают хреновинки, а ты в дыру вталкиваешь болт. Потом на болт наворачиваем гайку.

Работа оказалась не такой простой, как объяснения. «Хреновина» и «хреновинки» не укладывались в положенное место, приходилось браться за топор. Отверстия не совпадали, болт не лез в предназначенное место. Хрусталёв покрикивал на Пашку, командовал товарищами, куда двигать детали. Мало-помалу работа всё же продвигалась.

Вечером Хрусталёв предложил:

– Вы с дружком бабе моей муку принесите, отсыпьте сколько-то, она вам хлебов напечёт.

В доме купца Мелентия Трифоновича Черемисова собиралась игра. Не копеечная игра вроде пикета или кадрилии, игра серьёзная – «фараон». Иной раз после этой игры владельцы сотен душ крепостных или купцы первой гильдии, изрядные капиталисты вставали из-за стола, лишившись своих имений, крепостных и капиталов. Но такие драмы случались в столицах, затрапезному городишке у горы Змеиной подобные крушения были неведомы. И всё же держать банк, подрезать собирались люди солидные, при деньгах. Шушера вроде шихтмейстера Леманна или гарнизонного подпоручика Васьки Дементьева не приглашалась. Подпоручик картёжник был заядлый, но неудачливый и горемычный. Карта шла ему раз в год. Имел Васька тридцать лет от роду, а дослужился всего лишь до подпоручика. Был он картёжником и безмерно потреблял горькую. Жил Васька на одно жалованье, хотя в заволжских степях имелась у него деревенька в двадцать душ крепостных. Один раз в год присылал староста своему барину рублей двадцать пять – тридцать ассигнациями. Как небезосновательно предполагал барин, староста его нагло обкрадывал. Но и те крохи, что поступали из деревни, Васька спускал за неделю. Второй год Васька грозился остепениться, выйти в отставку и уехать на жительство в свои владения. Первым делом по приезде в имение, собирался на колодезном журавле вздёрнуть старосту, затем навести в деревне порядок и жениться. Жениться хоть на перестарке, хоть на уродине, да хоть кривой и горбатой. Непременным условием женитьбы должны быть двести душ крепостных в приданое невесте. К сорока годам Дементьев предполагал стать первейшим помещиком в своей губернии, близким другом губернатора и уважаемым человеком. Каким чудесным образом это превращение произойдёт, будущий помещик не задумывался. Ни в коровах, ни в пшенице, ржи и прочих злаках и огородных овощах Дементьев не смыслил ни бельмеса. Остепениться никак не удавалось, и отъезд в имение откладывался, ибо Демен-

тьев прекрасно понимал, ни один папаша не выдаст своё сокровище за такого моветона, будь он хоть полковником, а не подпоручиком. Хотя и слыл Дементьев заядлым картёжником, готовым резаться в любое время суток, в какую угодно игру, солидные люди подрезать с ним не садились. Подпоручик прославился неудачником, и платить долги ему было не из чего.

Алоис Николаевич намеревался раздеть либо купца, либо Фёдора Теодоровича Берга, служившего на руднике маркшейдером. Купец был при деньгах, на то он и купец. Игроком был слабым, начинающим, и это сулило поживу.

Мелентий Трифонович Черемисов в городе был личностью примечательной. Уставного капитала имел две тысячи и числился по второй гильдии. Три с лишком года по своим купеческим делам Черемисов путешествовал по всей необъятной губернии. Живал и в Томске, и в Иркутске, и в Барнаульском посёлке, и в Бийске. Весной вернулся в Змеиногорск. Летом у него месяца два на постое жили горные чины из Главного Бергамта. Ради забавы или от нечего делать постояльцы выучили своего хозяина французской игре «штосс». Змеиногорские купцы и мещане играли во всевозможных «дурачков» и «ведьм». Но не только пристрастие к иноземной игре выделило Черемисова из общей среды. Мелентия Трифоновича словно подменили. Перво-наперво сбрил бороду, затем сменил купеческую поддёвку и сапоги на рубаху тонкого полотна с кружевами, жилетку, кюлоты и башмаки с пряжками. Дальше – больше. Бородатых друзей и знакомцев словно бы сторонился, зато к самому стали захаживать гарнизонные офицеры и горные чины. В отместку бородатые друзья и знакомцы смотрели на Черемисова косо.

Как мнилось Лампрехту, Фёдор Теодорович был ныне при деньгах. Три года назад Горное начальство отказалось от услуг перекупщиков, и заготавливать у крестьян зерно, сало отправляли горных чинов. Зерно, сало чины закупали по твёрдой цене, установленной начальством. В нынешнем году заготовками занимался маркшейдер Берг. В истраченных суммах Берг отчитался до полушки. По какой цене в действительности закупался хлеб, сколько денег осталось в кармане, о том ведал лишь сам заготовитель. В том, что хлеб закупался именно таким образом, Алоис Николаевич был совершенно уверен. Сам он как раз так и производил бы закупки. Зачем отказываться от того, что само в руки плывёт? Берг – мужчина ушлый, мимо рта ложку не пронесёт.

Солёные рыжики, сдобренные тмином, укропом и мелко нарезанным чесноком, острым духом щекотали ноздри, призывали: «Выпей и закуси!» Блюдо с варёной говядиной соседствовало с холодцом, тельным, всякими заедками: пирогами с разнообразной начинкой, ватрушками. Венчал стол десятериковый штоф с пенником.

– Откушайте, господа! Прошу к столу. Не обессудьте, всё по-простому, всяких бланманже не имеем, – Мелентий Трифонович, трижды сделав полупоклон, обеими руками показывал на стол. – Дам-с нетути. Кафтаны, ежели пожелаете, можно снять.

– А что, Алоис Николаевич, – Берг облизнул сочные губы жизнелюба, потёр мясистые ладони, – с морозцу-то приятственно по чарочке откушать.

Горные чины без церемоний опрокинули по чарке, захрустели грибами. Лампрехт принялся за говядину, Берг подцепил кусок холодца. Черемисов налил ещё по одной. Выпив, Лампрехт расстегнул кафтан, утёр лицо платком.

– А и натопил же ты, братец!

– Пар костей не ломит, хе-хе, – хихикнул Черемисов.

– Что ж ты, милейший Мелентий Трифонович, от своего сословия отступился, бороду сбрил, платье переменил? – снисходительно спросил Берг.

– Цивилизация-с, уважаемый Фёдор Теодорович, цивилизация, – опять захихикал Черемисов. – Как можно по старинке содержать себя?! Я такого мнения: купец не тёмный мужик, и к наукам должен охоту иметь, и содержать себя по-европейски. А поведайте мне, господа, вот что: слухи по городу ходят, будто бы в самих недрах горы Змеиной строится колесо необык-

новенной величины. Там, в подземелье, – Черемисов показал рукой на пол, – колесо. Нешто правда?

Гости переглянулись. У Лампрехта приподнялся левый уголок губ, отчего лицо приобрело несколько пренебрежительное выражение. Непонятно было, к чему относится пренебрежение: к строящемуся неведомо с какой целью колесу или к досужему обывателю, задающему глупые вопросы.

– Правда, Мелентий Трифонович, правда. Колесо преогромных размеров, – и, обратив на Лампрехта насмешливый, с издёвкой взгляд выпуклых глаз, Берг добавил: – Для чего сие колесо надобно, только нашему управителю ведомо. Как он мне надоел, управитель наш! На два раза все мои расчёты проверил. Потом каждый божий день проверял, в том ли направлении штольни проходятся. Добро бы сам лазил, так нет же, меня со всем мерным припасом за собой таскал. Не обидно ли мне, маркшейдеру, не землемеру-самоучке, маркшейдеру с дипломом, когда его полуграмотный мужик проверяет?!

– «Нашему Митричу» наглости не занимать.

Прозвание «Митрич», «наш Митрич» из душевной почтительности и уважительности Фролову дали рудничные работные. В устах же гиттенфервальтера это же прозвание прозвучало насмешливо и презрительно.

– Вот вы скажите, Фёдор Теодорович, это всем известное русское хвастовство или глупость недоучившегося школяра? Саксонцы научили сибирских медведей горному делу. Так будь почтителен к своим учителям, следуй их наукам. Так нет же, «наш Митрич» объявляет: саксонская система для Змеёвого рудника не годна. Пласт надобно вскрывать всплошную, а не отрабатывать жилы.

– Не зря ему покойный Леубе воли не давал.

Гиттенфервальтер и маркшейдер воспринимались окружающими друзьями, и они сами считали себя друзьями. Но друзьями они были внешне, не внутренне, ибо основой дружбы было не душевное расположение. а сходство мыслей, имевших одни направления. Прожив всю жизнь в России, Россию они презирали, а русских почитали за скопище рабов, недостойных находиться среди людей образованных, находящихся на вершине цивилизации. Одно из направлений их мыслей заключалось в том, что в такой дикой стране, как Россия, не нужны всякие машины, всякие достижения наук. То, что приличествует Европе, России не нужно. Зачем здесь всякие устройства, заменяющие ручной труд, если вдоволь глупых мужиков? Коли возникнет нужда, нужно провести рекрутский набор среди приписных мужиков. Что значит для семьи, когда одного из её членов на веки вечные забирают неведомо куда, и что значит для самого мужика из крестьянина обернуться в рудничного работного, об этом они даже не задумывались. Не задумывается же хозяин лошади, продавая её. Фролов со своими проектами, изобретениями внушал им раздражение. Они видели: усовершенствованные толчеи много производительнее старых, в новых рудопромывательных станах в «хвостах» не теряется серебро. На всех этих толчеях, станах мускульную силу человека заменяет вода. При этом в глубине души оба сознавали, что ни изобрести такие устройства, ни рассчитать с точностью направление штолен для расположения в них подземных устройств они не в состоянии. И это осознание ещё более раздражало их против Фролова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.